

Тит Лукреций Кар.

О природе вещей

Да и понятно вполне: если б знали наверное люди,
Что существует конец их мытарствам, они хоть какой-то
Дать бы отпор суеверьям могли и угрозам пророков.
Ныне ж ни способов нет ни возможности с ними бороться,
Так как по смерти должны все вечной кары страшиться,
Если природа души неизвестна. <...>

Не сомневаюсь я в том, что учения темные греков
Ясно в латинских стихах изложить затруднительно будет:
Главное, к новым словам прибегать мне нередко придется
При нищете языка и наличии новых понятий.

Доблесть, однако, твоя и надежда тобою насладится
Милою дружбой меня побуждает к тому, чтобы всякий
Труд одолеть и без сна проводить за ним ясные ночи
В поисках слов и стихов, которыми мне удалось бы
ум твой таким озарить блистающим светом, который
Взорам твоим бы открыл глубоко сокровенные вещи
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять

Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
За основание тут мы берем положение такое:
Из ничего не творится ничто по божественной воле.

И оттого только страх всех смертных объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе нередко,
коих причины никак усмотреть и понять не умеют,
И полагают, что всё это божьим веленьем творится.
Если же будем мы знать, что ничто не способно возникнуть

Из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим.

Наших задании предмет: и откуда являются вещи,
И каким образом всё происходит без помощи свыше.

Если бы из ничего в самом являлись вещи,
Всяких пород существа безо всяких семян рождались:
Так, например, из морей возникали бы люди, из суши
Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба

срывался б Крупный и мелкий скот, и породы бы диких
животных Разных, неведомо как, появлялись в полях и пустынях.
И на деревьях плоды не имели бы стойкого вида,
Но изменялись бы все произвольно на дереве каждом.
Надо добавить еще: на тела основные природа
Всё разлагает опять и в ничто ничего не приводит.

Ибо, коль вещи во всех частях своих были бы смертны,
То и внезапно из глаз исчезали б они, погибая;
Не было б вовсе нужды и в какой-нибудь силе, могущей
Их по частям разорвать и все связи меж ними расторгнуть,
Но, так как все состоят из вечного семени вещи,
То до тех пор, пока им не встретится внешняя сила,

Или такая, что их изнутри чрез пустоты разрушит,
Гибели полной вещей никогда не допустит природа. <...>
Так что, мы видим, отнюдь не в ничто превращаются вещи,
Но разлагаются все на тела основные обратно.
И в заключение: дожди исчезают, когда их низвергнет
Сверху родитель -эфир на земли материнское лоно.
Но наливаются злаки взамен, зеленеют листвою
Ветви дерев, и растут, отягчаясь плодами, деревья.
Весь человеческий род и звери питаются ими,
И расцветают кругом города поколением юным,
И оглашается лес густолиственный пением птичьим;
Жирное стадо овец, отдыхая на пастбище тучном,

В неге ленивой лежит, и, белея, молочная влага

Каплет из полных сосцов, а там уж и юное племя
На неокрепших ногах по мягкому прыгает лугу,
Соком хмельным молока опьяняя мозги молодые.

Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.

Но не заполнено все веществом и не держится тесно
Сплоченным с разных сторон: в вещах пустота, существует.
Знать это будет тебе полезно по многим причинам

И не допустит тебя заблуждаться в бесплодных исканьях,
Сущность вселенной познать, не давая словам моим веры.
Вот почему несомненна наличность пустого пространства:
Без пустоты никуда вещам невозможно бы вовсе
Двигаться было; ведь то, что является признаком тела:
Противодействовать и не пускать препятствием вечным
Было б вещам, и ничто бы тогда не могло продвигаться,
Ибо ничто, отступив, не дало бы начала движенью.

В самом же деле в морях, на земле и в небесных высотах
Многоразличным путем совершается много Движений
Перед глазами у нас; а не будь пустоты, то не только
Вещи никак не могли б пребывать в непрестанном движении,
Но и на свет никогда появиться ничто не могло бы,
Ибо лежала б всегда материя стиснутой всюду.

Гай Валерий Катулл (около 87—54 гг. до н.э.) — римский лирик. Еще юношей Катулл приехал в Рим, где стал знаменитым поэтом. Он был из тех поэтов, кто отворачивался от ужасов общественной жизни, уходил в сферу переживаний. Поэт создал лирику, воплощающую тончайшие чувства и переживания. Прежде всего это стихи, отражающие его любовь к Клавдии. Поэт вывел ее под именем Лесбии. Кроме любовной лирики, перу Катулла принадлежат памфлеты — сатирические стихотворения. Творчество Катулла оказало влияние на последующую римскую лирику и на поэтов Западной Европы. Катуллом написаны два стихотворения о воробье Лесбии. Оба стихотворения были очень популярны среди римских читателей. Впоследствии Овидий в подражание этим стихотворениям написал элегию «На смерть попугая». В данном стихотворении Катулл пародирует поминальный плач и надгробные речи, внося те же сетования на краткость жизни, те же повторы, те же ласкательные и уменьшительные существительные и т.д., но все эти средства художественного выражения даны в шутливо-ласковом тоне.

Кажется мне тот богоравным, или —
Коль сказать не грех — божества счастливей,
Кто сидит с тобой, постоянно может
Видеть и слышать
Сладостный твой смех; у меня, бедняги,
Лесбия, он все отнимает чувства:
Вижу лишь тебя — пропадает сразу
Голос мой звонкий.
Тотчас мой язык цепенеет; пламя
Пробегаёт вдруг в ослабевших членах,
Звон стоит в ушах, покрывает очи
Мрак непроглядный.
От безделья ты, мой Катулл, страдаешь,
От безделья ты бесишься так сильно,
От безделья царств и царей счастливых
Много погибло.

(Перевод С. Ошерова)

Милый птенчик, любовь моей подружки!
На колени приняв, с тобой играет
И балует она и милый пальчик
Подставляет для яростных укусов.
Когда так моя прелесть, жизнь, отрада
Забавляется, бог весть как, смеется,
Чтоб найти утешеньице в заботах,
Чтобы страсть (знаю — страсть!) не так пылала,
Тут и я поиграть с тобой хотел бы,
Чтоб печаль отлегла и стихло сердце.

(Перевод А. Пиотровского)

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
Бедный птенчик погиб моей подружки.
Бедный птенчик, любовь моей подружки.
Милых глаз ее был он ей дороже.
Слаще меда он был и знал хозяйку,
Как родимую мать дочурка знает.
Он с колен не слетал хозяйки милой.
Для нее лишь одной чирикал сладко.
То сюда, то туда порхал, играя.
А теперь он идет тропой туманной
В край ужасный, откуда нет возврата.
Будь же проклята ты, обитель ночи,
Орк², прекрасное все губящий жадно!
Ты воробушка чудного похитил!
О, злодейство! Увы! Несчастный птенчик!
Ты виной, что от слез, соленых, горьких,
Покраснели и вспухли милой глазки.

(Перевод А. Пиотровского)

Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!

Пусть ворчат старики,—что нам их ропот?
За него не дадим монетки медной!
Пусть восходят и вновь заходят звезды,—
Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались.

(Перевод С. Шервинского)

Жизнь моя. Будет счастливой любовь наша – так ты сказала.
Будем друг другу верны и не узнаем разлук!
Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!
Пусть ее слово идет чистым от чистой души!
Пусть проживем мы в веселье спокойные долгие годы,
Дружбы взаимной союз ненарушимо храня.

(Перевод С. Шервинского)

Квинт Гораций Флакк

Ода К Мельпомене

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец ведет деву Безмолвную
Назван буду везде - там, где неистовый
Авфид о ропщет, где Давн, скудный водой царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества
Первым я приобщил песню Эолии
К итальяским стихам.
Славой заслуженной -
Мельпомена, гордись и, благосклонная

Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу

(Перевод С. Шервинского)

Публий Овидий Назон

Наука Любви (отрывок)

Небесполезны тебе и бега скакунов благородных —
В емком цирке Амур много находит удобств.
Здесь не придется тебе разговаривать знаками пальцев
И не придется ловить тайные взгляды в ответ.
Здесь ты хоть рядом садись, и никто тебе слова не скажет,
Здесь ты хоть боком прижмись — не удивится никто.
Как хорошо, что сиденья узки, что нельзя не тесниться,
Что позволяет закон трогать красавиц, теснясь!
Здесь-то и надо искать зацепки для вкрадчивой речи,
И ничего, коли в ней пошлыми будут слова:
Чьи эти кони, спроси у соседки с притворным вниманьем;
Ежели хлопнет коню, хлопай за нею и сам;
А как потянутся лики богов и меж ними Венера —
Хлопай и рук не щади, славя свою госпожу.
Если девице на грудь нечаянно сядет пылинка
Эту пылинку с нее бережным пальцем стряхни.
Если пылинки и нет — все равно ты стряхни ее нежно,
Ведь для заботы такой всяческий повод хорош.
Если до самой земли у красотки скользнет покрывало —
Ты подхвати его край, чтоб не запачкала пыль:
Будешь вознагражден - увидишь милые ножки,
И ни за что упрекнуть дева не сможет тебя.
Кроме того, последи, чтоб никто из заднего ряда
В спину ее не толкал грубым коленом своим.
Мелочь милее всего! Как часто полезно подушку
Под локоток подложить для утомленной руки
Или же, веер раскрыв, на соседку повеять прохладой,
Или поставить к ногам вогнутый валик скамьи.
Благоприятен и цирк началу любовных подходов —
Благоприятен и шум возле песчаных арен.
Здесь над кровавым песком воюет и отрок Венеры —
Метко он ранит сердца тем, кто на раны глядит.
Заговорить, коснуться руки, попросить объявление,
Спор предложить об заклад, кто из бойцов победит, —
Тут и почувствуешь ты, как трепещет стрела в твоем сердце,
Тут-то из зрителя сам станешь участником игр. <...>

Званный обед — тоже славная вещь для любовных подходов,
И не единым вином он привлекает мужчин.
Часто и здесь, за рога ухватив, охмеленного Вакха
Нежной своею рукой клонит багряный Амур.
Брызги вина увлажняют пернатые крылья Амура —
И остается летун, отяжелев, на пиру;
Влажными крыльями бьет, росу отрясая хмельную,
Но и от этой росы страдают людские сердца.
В винном пылу созревает душа до любовного пыла,

Тяжкое бремя забот тает в обильном вине.
Смех рождается в устах, убогий становится гордым,
Скорбь отлетает с души, сходят морщины со лба,
Хитрость бежит перед божьим лицом, раскрываются мысли,
Чистосердечье звучит, редкое в нынешний век.
Тут-то наши сердца и бывают добычей красавиц,
Ибо Венера в вине пламенем в пламени жжет.
Помни, однако, что здесь, в обманчивом свете лампы,
Ночью с хмельной головой трудно ценить красоту.
Ведь не случайно Парис лишь днем и под солнечным небом
Молвил, богинь рассмотрев: «Лучшая — Матерь Любви!»
Ночь благосклонна, она прикрывает любые изъяны,
Ночью любую из дев можно красавицей счесть.
О драгоценных камнях, о крашенной пурпуром ткани
И о девичьей красе только при солнце суди.
Полно! как перечесть все места для любовной охоты?
Легче исчислить песок на побережье морском!
Что уж мне говорить о Байях¹⁴ и байских купаньях,
Где от горячих ключей серные дышат пары?
Многие, здесь побывав, уносят сердечные раны:
«Нет, — они говорят, — эта вода не целит!»
Время теперь приступить к тому, что гораздо важнее, —
Как уловить для себя ту, что искал и нашел?
Все и повсюду мужи, обратите умы со вниманьем
И доброхотной толпой слушайте слово мое!
Будь уверен в одном: нет женщин, тебе недоступных!
Ты только сеть распахни - каждая будет твоей!
Смолкнут скорее весной соловьи, а летом цикады,
А меналийские псы зайцев пугаться начнут,
Нежели женщина станет противиться ласке мужчины, —
Как ни твердит «не хочу», скоро захочет, как все.
Тайная радость Венеры мила и юнцу и девице,
Только скромнее — она, и откровеннее — он.
Если бы нам сговориться о том, чтобы женщин не трогать, —
Женщины сами, клянусь, трогать бы начали нас. <...>
Будь лишь опрятен и прост.
Загаром на Марсовом поле
Тело покрой, подбери чистую тогу под рост,
Мягкий ремень башмака застегни нержавеющей пряжкой,
Чтоб не болталась нога, словно в широком мешке;
Не безобразь своей головы неумелою стрижкой —
Волосы и борода требуют ловкой руки;
Ногти пусть не торчат, окаймленные черною грязью,
И ни один не глядит волос из полых ноздри;
Пусть из чистого рта не пахнет несвежестью тяжелой
И из подмышек твоих стадный не дышит козел;
Все остальное оставь — пускай этим тешатся девки

Я уж хотел продолжать, чтобы потом не пахли подмышки,
И чтобы грубый не рос волос на крепких ногах, —
Но ведь уроки мои не для женщин Кавказских ущелий
И не для тех, чьи поля поит мизийский Каик!
Право, тогда почему не добавить бы: чистите зубы

И умывайте лицо каждое утро водой?
Сами умеете вы румянец припудривать мелом,
Сами свою белизну красите в розовый цвет.
Ваше искусство заполнит просвет между бровью и бровью,
И оттенит небольшой мушкою кожу щеки.
Нет ничего дурного и в том, чтоб подкрашивать веки
В нежный пепельный цвет или в киднийский шафран ³⁹.
Есть у меня о таких предметах особая книга ⁴⁰,
Хоть небольшая, она стоила многих Трудов;
Там вы найдете совет и о том, как поправить осанку —
Верьте, в науке моей не позабыто ничто.

Но красота милей без прикрас — поэтому лучше,
Чтобы не видели вас за туалетным столом.
Не мудрено оробеть, увидя как винное сусло,
Вымазав деве лицо, каплет на теплую грудь!
Как отвратительно пахнет тот сок, который в Афинах
Выжат из грязных кусков жирной овечьей шерсти!
Я на глазах у мужчин не сосал бы косточки ланьей,
Я у мужчин на глазах чистить не стал бы зубов, —
То, что дает красоту, само по себе некрасиво:
То, что в работе, — претит, то, что сработано, — нет.
Это литье, на котором красуется подпись Мирона⁴¹,
Прежде являло собой медный бесформенный ком;
Это кольцо, чтобы стать кольцом, побывало в расплаве;
Ткань, что одета на вас, грязною шерстью была;
Мрамора грубый кусок Венерою стал знаменитой.
Чья отжимает рука влагу из пенных волос, —
Так же и ты выходи напоказ лишь во всем совершенстве:
Скрой свой утренний труд, спящей для нас притворись.
Надо ли мне понимать, отчего лицо твоё бело?
Нет, запри свою дверь, груд незаконченный спрячь.
Что не готово, того не показывай взгляду мужскому
Многих на свете вещей лучше им вовсе не знать.
Весь в золотых скульптурах театр — но взглядишь, и увидишь,
Как деревянный чурбан тоненьким золотом крыт.
К ним не дают подходить, покуда они не готовы —
Так, вдалеке от мужчин, строй и свою красоту.
Волосы — дело другое. Расчесывай их беззапретно
И перед всеми раскинь их напоказ по плечам.
Только спокойно будь, сдержись, коли станешь сердиться,
Не заставляй без конца их расплетать и сплетать!

(Заключение из Метаморфоз)

Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба
Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчнаи старость,
Пусть же тот день прилетит, что над плотью одной
 возымеет

Власть для меня завершить неверной течение жизни
Лучшею частью своей, вековечен, к светилам высоким
Я вознесусь, и мое нерушимо останется имя ^
Всюду меня на земле, где б власть ни раскинулась Рима,
Будут народы читать, и на вечные веки, во славе —
Ежели только певцов предчувствиям верить — пребуду.

Федр (конец I века до н.э. — первая половина I века н.э.) — римский баснописец. По происхождению был рабом. Впоследствии был отпущен на волю. Многие сюжеты его басен заимствованы у Эзопа. Сохранилось 120 басен Федре.

ВОЛК И ЯГНЕНОК

К ручью однажды волк с ягненком в раз пришли.
Гнала их жажда. По теченью выше — волк,
Ягненок — ниже много. Глотки озорство
Злодея мучит, — повод к ссоре тут как тут.
«Зачем ты воду, — говорит, — здесь мне мутишь —
Хочу я пить здесь». А ягненок, страха полн,
Ему ответил: «Как могу вредить тебе?
Вода течет ведь — от тебя к моим губам...»
А тот, сраженный силой правды слов его;
«Прошло полгода, как ты здесь перечил мне».
Ягненок молвит: «Не родился я тогда!»
— «Ну что ж! отец твой, — волк в ответ, — перечил мне»,
И тут, схвативши, растерзал ягненка он.
Вот эту басню написал я про того,
Кто гнет безвинных, повод выдумавши сам.

Лиса и ворон

Кто любит слышать похвалы коварных уст,
Позорно тот, наказанный, раскается.
Когда похитил ворон сыр с оконницы
И съесть его хотел, присев на дерево,
Лиса, подкравшись, завела такую речь:
«Ах, ворон, как твои сияют перышки,
Как ты лицом прекрасен и осанкою!
Будь голос у тебя — всех птиц затмил бы ты!»
Тот, сдуру вздумав отличиться пением,
Из клюва выпускает сыр, который вмиг
Лисы коварной пасть хватает жадная.
И лишь тогда воронья дурь раскаялась
[Отсюда видно, что всего важнее ум:
Сама добродетель уступает хитрости.]

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

Творчество Цицерона (106-43 гг. до н. э.), выдающегося оратора, политического деятеля, философа, — один из наиболее значительных периодов римской культуры.

Цицерон родился в маленьком городке Арпине. Его родители принадлежали к сословию всадников, второму аристократическому (после сенаторов) сословию Древнего Рима. Получив риторическое и юридическое образование в Риме, Цицерон начинает свою политическую карьеру. В 63 г. до н. э. он избирается консулом. Этот год был одним из важнейших в судьбе Цицерона. Он разоблачает заговор против республики, во главе которого стоял Катилина, за что удостоивается почетного титула «отца отечества». Через несколько лет — в 58 г. до н. э. — по обвинению «в казни без суда римских граждан» (участников заговора), Цицерон был изгнан из Рима. Но уже в следующем году с триумфом возвращается в город, выступает как судебный оратор, создает ряд трактатов об ораторском искусстве, философии и политике. В начавшейся гражданской войне между Цезарем и Помпеем Цицерон становится на сторону последнего. В дальнейшем Цицерон посвящает себя главным образом литературной деятельности. Только после

убийства Цезаря (44 г. до н. э.) Цицерон возвращается к политической жизни. К этому времени относятся его речи против Марка Антония, — «филиппики». Цицерон был убит по приказу Марка Антония.

Литературное наследие Цицерона очень велико: оно включает речи, трактаты по риторике, политике и философии, а также около 800 писем.

В «Антологии» приводятся отрывки из «Первой речи против Катилины», отрывки даны по изданию: Цицерон. Избр. соч. М., 1975.

ПРОТИВ КАТИЛИНЫ

Перевод Т. Васильевой

Первая речь, произнесенная в сенате

1.(1) До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением? Сколько может продолжаться эта опасная игра с человеком, потерявшим рассудок? Будет ли когда-нибудь предел разнузданной твоей заносчивости? Тебе ничто, как видно, и ночная охрана Палатина, и сторожевые посты, — где? в городе! — и опасенья народа, и озабоченность всех добрых граждан, и то, что заседание сената на этот раз проходит в укрепленном месте, — наконец, эти лица, эти глаза? Или ты не чувствуешь, что замыслы твои раскрыты, не видишь, что все здесь знает о твоём заговоре и тем ты связан по рукам и ногам? Что прошлой, что позавчерашней ночью ты делал, где ты был, кого собирал, какое принял решение, — думаешь, хоть кому-нибудь из нас это неизвестно?

(2) Таковы времена! Таковы наши нравы! Все понимает сенат, все видит консул, а этот человек еще живет и здравствует! Живет? Да если бы только это! Нет, он является в сенат, становится участником общегосударственных советов и при этом глазами своими намечает, назначает каждого из нас к закланию. А что же мы? Что делаем мы, опора государства? Неужели свой долг перед республикой мы видим в том, чтобы вовремя уклониться от его бешеных выпадов? Нет, Катилина, на смерть уже давно следует отправить тебя консульским приказом, против тебя одного обратись ты пагубу, что до сих пор ты готовил всем нам.

(3) В самом деле, достойнейший Публий Сципион, великий понтифик, убил ведь Тиберия Гракха, лишь слегка поколебавшего устои республики, — а меж тем Сципион был тогда всего лишь частным лицом¹. Тут же Катилина весь круг земель жаждет разорить резней и пожарами, а мы, располагая консульской властью, должны смиренно его переносить! Я не говорю уже о примерах более древних, когда Гай Сервий Агала собственной рукой убил Спурия Мелия, возжаждавшего новых порядков². Было, да, было когда-то в этой республике мужество, позволявшее человеку твердому расправляться с опасным гражданином не менее жестоко, чем с отъявленным врагом. Есть и у нас, Катилина, сенатское постановление, своей силой и тяжестью направленное против тебя; нельзя сказать, что сословию сенаторов недостает решительности или могущества, — я не скрываю, что дело в нас, в консулах, в том, что мы оказываемся как бы не на высоте своей власти.

И. (4) Некогда сенат постановил: пусть консул Луций Оппимий позаботится, чтобы республика не потерпела никакого ущерба, — и ночи не прошло, как убит был (по одному лишь подозрению в мятежных замыслах!) Гай Гракх, чьи отец, дед, предки снискали блестящую известность, погиб вместе с сыновьями Марк Фульвий, бывший консул³. Таким же постановлением сената государство было вверено консулам Гаю Марию и Луцию Валерию, так пришлось ли после этого Луцию Сатурнину, народному трибуну, и Гаю Сервилию, претору, хоть один день ждать смерти, а государству — отмщения? ⁴ Мы же допускаем, чтобы вот уже двадцать дней вотще тупилось острие оружия, которое сенат полномочно вручил нам. Ведь и у нас есть точно такое же сенатское постановление, но мы держим его заключенным в таблички, как бы скрытым в ножнах, тогда как по

этому постановлению тебя, Катилина, следовало бы немедленно умертвить. А ты жив. Жив, и дерзость не покидает тебя, но лишь усугубляется! И все же, отцы сенаторы, мое глубочайшее желание — не поддаваться гневу и раздражению. Мое глубочайшее желание — в этот опасный для республики час сохранить самообладание и выдержку. Но, к сожалению, я вижу и сам, как это оборачивается недопустимой беспечностью.

(5) На италийской земле, подле теснин Этрурии разбит лагерь против римского народа, день ото дня растет число врагов, а главу этого лагеря, предводителя врагов, мы видим у себя в городе, мало того, — в сенате, всякий день готов он поразить республику изнутри. Если теперь, Катилина, я прикажу тебя схватить, прикажу тебя казнить, то, я уверен, скорее общий приговор всех честных людей будет: «Слишком поздно», чем кто-нибудь скажет: «Слишком жестоко»!

Однако до сих пор я не тороплюсь сделать то, чему давно пора уже быть исполненным. И тому есть своя причина. Короче говоря, ты будешь казнен тогда, когда не останется такого негодяя, такого проходимца, такого двойника твоего, который не признал бы мой поступок справедливым и законным.

(6) А пока найдется хоть один, кто осмелится защищать тебя, ты останешься в живых, но жизнь твоя будет, как и теперь, жизнью в тесном кольце мощной охраны, и, чтобы ты не мог причинить республике вреда, множество ушей, множество глаз будет следить и стеречь каждый твой шаг, как это и было до сих пор.

Апулей. Метаморфозы.

Сказка об Амуре и Психее (отрывок)

Смело вцепившись ей в волосы, потащила ее, меж тем как та не оказывала никакого сопротивления. Как только Венера увидела, что Психею привели и поставили перед лицом ее, она разразилась громким хохотом, как человек, доведенный гневом до бешенства, затрясла головой, принялась чесать правое ухо и говорит: — Наконец-то ты удостоила свекровь посещением! Или, может быть, ты пришла проводить мужа, который мучается от нанесенной тобою раны? Но будь спокойна, я сумею обойтись с тобою, как заслуживает того добрая невестка! — и кричит: — Где тут Забота и Уныние, мои служанки? — Им, явившимся на зов, она передала ее на истязание. А те, согласно приказу хозяйки, избив бедняжку Психею плетью и предав другим мучениям, снова привели ее пред господские очи. Опять Венера покатила со смеху и говорит: — Наверное, ты рассчитываешь, что во мне вызовет сострадание зрелище вздутого живота твоего, славное отродье которого собирается осчастливить меня званием бабушки? Действительно, большая для меня честь в самом цвете лет называться бабушкой и слышать, как сына рабыни низкой зовут Венериным внуком. Впрочем, я, глупая, напрасно произношу слово «сын»: брак был неравен, к тому же заключенный в загородном помещении, без свидетелей, без согласия отца, он не может считаться действительным, так что родится от него незаконное дитя, если я вообще позволю доносить его.

Сказав это, налетает она на ту, по-всякому платью ей раздирает, за волосы таскает, голову ее трясет и колотит нещадно, затем берет рожь, ячмень, просо, мак, горох, чечевицу, бобы, — все это перемешивает и, насыпав в одну большую кучу, говорит: — Думается мне, что такая безобразная рабыня ничем другим не могла любовникам угодить, как усердной службой: хочу и я попытать твое уменье. Разбери эту кучу смешанного зерна и, разложив все, как следует, зерно к зерну отдельно, до наступления вечера, представь мне свою работу на одобрение.